

М.В. Ясинская

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ГЛАЗАХ И ЗРЕНИИ У СЛАВЯН

В статье анализируются архаические мифологические мотивы, связанные с представлениями о зрении у славян. Зрение тесно сопряжено со сферой народной демонологии. В представлениях о зрении важнейшую роль играет категория оценки, выраженная признаками опасный / безопасный. Взгляд, действие «смотреть» принимают активное участие в магии. Для архаических представлений о зрении свойственно неразличение субъекта и объекта зрения, выраженное как в лексике, так и в тексте обряда.

Ключевые слова: зрение; слепота; визуальная магия; народная демонология; категория оценки; фразеология, семантические оппозиции.

The author analyzes archaic mythological motifs based on concepts of vision among the Slavs. Vision is closely associated with folk demonology. Category of assessment, expressed by markers *dangerous / safe*, plays the most important role in the concepts of vision. The view, the watching as an action take an active part in the magic. Lack of distinction between subject and object of vision, expressed both in vocabulary and in structure of the rite, is peculiar to archaic notions of vision.

Keywords: vision; blindness; visual magic; folk demonology; category of assessment; phraseology, semantic oppositions.

Язык (лексика и фразеология), фольклор, верования и обряды, изучаемые в комплексе, позволяют реконструировать архаические мифологические представления славян о зрении. Некоторые из них актуальны и по сей день (например, вера в сглаз; поверье,

что беременная женщина должна смотреть на красивые объекты, чтобы у нее родился красивый ребенок; обычай посмотреть в зеркало для «отмены» неудачи в случае возвращения за забытой дома вещью). Другие утрачивают актуальность, но сохраняются в застывшей форме в языке и фразеологии: *как в воду глядел*, *для отвода глаз*, *есть глазами*, *пускать пыль в глаза*, в поговорках: *когда кажется – креститься надо*, *у страха глаза велики* и пр. Представления о зрении не только входят в комплекс народной антропологии (анатомии, физиологии, медицины), они обнаруживают метафорическую проекцию в сферу космоса, природы – ср. представления о солнце как о гигантском оке божества [Младенова, 2002, с. 72], представления о глазах как о светоносной / жидкой субстанции [Галанова, 2011, с. 284]. Лексика с первичным «зрительным» значением присутствует в номинации объектов, созданных руками человека, – ср. параллелизм между лексикой, называющей глаз и водоемы, глаз и отверстия (в том числе окна). Представления о зрении тесно связаны с такими бинарными оппозициями, как *свет / тьма* и *жизнь / смерть* (пожелание слепоты или невидимости в проклятиях может фактически означать пожелание смерти) [Ясинская, 2013]. В традиционных представлениях о глазах и зрении существенную роль играет категория оценки: глаз, зрачок гла́за выступает как нечто очень ценное, это обусловлено доминирующей ролью зрения в системе восприятия человека: *беречь как зеницу ока*, *беречь пуце глаз*; *лучше один раз увидеть, чем семь раз услышать*. При этом оценка носит не абстрактный, а прагматический характер и часто выражается через признаки *опасный / безопасный*: взгляд может быть «хороший» или «дурной» в зависимости от обстоятельств (кто смотрит, на что смотрит, при каких обстоятельствах). Во время зрительного контакта опасности может подвергаться как объект зрения (в ситуации *сглаза*), так и субъект: например, белорусы верили, если мужчина заглянет в дежу, у него перестанет расти борода (дежа считалась женским предметом) [Агапкина, 2012, с. 76].

Представления о глазах и зрении в традиционной культуре тесно сопряжены со сферой народной демонологии. Согласно народным верованиям, глазами и зрением обладает не только человек, но и мифологический персонаж. Его глаза противопоставлены человеческим по ряду признаков (цвет, размер, количество и пр.). Именно по глазам часто можно распознать мифологического пер-

сонажа, если он принимает обличье человека или животного [Виноградова, 1997]. Кроме того, выделяются аномалии глаз, позволяющие отнести человека к разряду мифологических существ (кошой, кривой, обладающий необычными зрачками, цвет и пр.) [Ясинская, 2014]. В традиционных верованиях глаза представляются не только инструментом зрения, но и органом, в котором пребывает душа субъекта, отверстием, через которое душа может покидать тело и через которое она может в него вернуться (ср. распространенный во многих славянских традициях обычай закрывать глаза покойникам; восточные славяне при изготовлении кукол опасались делать им глаза, чтобы в них не вселился злой дух). В глазах сосредоточена жизненная сила субъекта (поэтому символическое ослепление – один из важнейших оберегов, используемый для нейтрализации злых сил, сглаза, а также для защиты скота, домашней птицы, посевов, урожая от вредителей). В глазах «написаны» свойства и качества субъекта, его мысли и чувства. Манера смотреть отражает характер человека, его мировоззрение: *бутуз* (рус. арх.) ‘хмурый необщительный человек, глядящий исподлобья’ [СРНГ 3, с. 314]¹, *вострошарый* ‘имеющий большие глаза, проницательный взгляд’, ‘наблюдательный, проницательный’ (свердл.) [СРНГ 5, с. 150] и др.

С помощью глаз субъект не только воспринимает окружающую действительность, он также может воздействовать на нее посредством взгляда. В народной традиции большое внимание уделяется манере смотреть: негативную оценку получает пристальный, долгий, праздный, бесцельный взгляд, а также взгляд, сопряженный с любопытством и завистью. Эти представления отражены как в диалектной лексике (ср. пейоративные глаголы со значением ‘смотреть’ – *уставиться*, *ялиться*, *глазеть* и пр.), так и в верованиях. Глядя на объект, субъект, с одной стороны, перенимает от него определенные свойства или качества, с другой – передает ему свои свойства или качества. Взгляд служит своего рода медиатором, способным нести и передавать информацию (как о самом субъекте, так и об увиденном им объекте). Например, поляки верили: если человек смотрит на огонь и переведет взгляд на дом, то может спровоцировать пожар [Barthel de Weydenthal, 1922, p. 7]. Взгляд выступает как вместилище чувств и эмоций человека, а также как канал, через

¹ СРНГ – Словарь русских народных говоров (см. список литературы).

который можно их выпустить, избавиться от них, передать другому объекту или даже запереть в каком-либо замкнутом пространстве. Эти представления широко используются в «зрительной» магии. Например, чтобы избавиться от тоски по покойнику, после возвращения с кладбища поднимали крышку дежи, заглядывали в нее и снова закрывали крышку, как бы заперев свой взгляд в ней; заглядывали в печную трубу и др. Магическая прагматика действия *смотреть* часто обусловлена обстоятельствами, при которых оно происходит (временем, местом, а также способами – смотреть через отверстие, в трубу, в колодец, в зеркало, назад и пр.). Использование различного рода приспособлений характерно для визуальных гаданий, когда требуется смоделировать ситуацию, при которой гадающий заглядывает в будущее (иной мир), оставаясь при этом в этом мире. Чтобы вступить в контакт с иным миром, смотрели в зеркало, в воду через кольцо, в окно, в печную трубу, замочную скважину и мн. др.

Смотрение (взгляд) может быть опасным (для субъекта, для объекта или для обоих одновременно). Оценка взгляда как *опасного* / *безопасного* во многом обусловлена статусом смотрящего субъекта. Демонические существа по определению обладают опасным взглядом, который может причинить вред человеку и его миру (скоту, хозяйству и пр.), однако и взгляд человека при определенных обстоятельствах может быть вредоносным. Прежде всего, речь идет о комплексе представлений, связанных со *сглазом*, который часто характеризуется как непреднамеренный вред, причиняемый с помощью взгляда, слова, мысли. Способность к сглазу может считаться врожденной (*урочливые, глазливые* люди; люди, рожденные в субботу или дважды отлученные от груди; люди с особенностями глаз) или обусловленной различными обстоятельствами. Опасным считается взгляд людей в определенном состоянии (беременной, женщины во время менструации, неумытого или голодного человека и пр.), а также в некоторых обрядовых статусах (невесты, участников похоронной процессии). В народной традиции славян сформировалась целая система запретов, связанных со зрением: кому, на что и при каких обстоятельствах нельзя смотреть. При этом в каждом конкретном случае запрет может быть мотивирован или свойствами субъекта, или свойствами объекта, или обстоятельствами действия (времени, места, образа действия). Например, если в хате лежал больной, то при входе нужно было

сначала посмотреть на печь, потом на красный угол, чтобы не пристала болезнь. Запрет смотреть на больного мог быть мотивирован и интересами самого больного: чужой взгляд мог негативно сказаться на его состоянии, спровоцировать ухудшение самочувствия. Люди в лиминальных состояниях (беременные, новорожденные, умирающие, в состоянии болезни и пр.), как правило, и вредоносны, и уязвимы одновременно [Седакова, 2007, с. 283].

Зрение характеризуется как одна из наивысших ценностей и противопоставляется слепоте. Оно тесно сопряжено с познанием и мышлением, что проявляется и на языковом уровне, и в верованиях (например, запрет видеть что-либо может подразумевать запрет на знание). Зрение / слепота могут пониматься в переносном смысле, как духовные категории (духовное зрение, духовная слепота). Зрение, свет, свойство быть видимым осмысляются как основные признаки этого мира (рус. *белый свет*, болг. *бѣло видело*) и противопоставляются слепоте, темноте и невидимости, как приметам иного мира (болг. *невидѣлица*). К невидимому в широком смысле относятся мифологические персонажи, а также все неизвестное в широком смысле (например, будущее в гаданиях, скрытые под землей клады и пр.). При определенных условиях человек может получить доступ к невидимому (случайно или намеренно), для этого используются специальные магические приемы. Видение невидимого, как правило, сопряжено с опасностью, поэтому при визуальном контакте с иным миром следует соблюдать особые предосторожности. Видимые объекты также могут становиться невидимыми при некоторых условиях: под воздействием чар колдуна, под действием проклятия и т.п. Чтобы стать невидимым или скрыть те или иные объекты от чьего-либо зрения, человеку необходимо было выполнить разного рода магические действия. При этом добиться цели можно двумя способами: сделать невидимым объект или навести слепоту на противника (подобного рода действия часто применяются в оберегах от вредителей – волков, хищных птиц, воробьев, мышей и пр.). Данные магические действия предполагают не реальное, а символическое ослепление противника – введение его в состояние, при котором он временно не может видеть некоторые объекты.

В традиционных верованиях важное место занимают представления о зрении покойников, о том, что происходит с их глазами после смерти, как умершие утрачивают земное зрение и обретают

зрение потустороннее [Толстой, 1995]. С заботой о глазах и зрении покойников связываются многие запреты и предписания, ритуальные действия в ходе похоронного обряда, в поминальные дни. По верованиям славян, зрение и свет составляют одну из важнейших потребностей покойника на том свете, обеспечить которую должны его живые родственники, в противном случае покойник не найдет дорогу в загробный мир и превратится во вредоносного демона. Это проявлялось в различных формах: у всех славян распространен обычай зажигать свечу при покойнике, во время пребывания его в доме, в течение 40 дней. У сербов существовали специальные ритуалы, направленные на передачу свечи, если по каким-либо причинам ее не зажгли вовремя [Зечевић, 1978, с. 385]. Также практиковалось разжигание поминальных костров. Как правило, оно мотивировалось необходимостью «греть» покойников, но могло связываться и с «освещением» для них дороги с того света. Например, на северо-востоке Болгарии его объясняли тем, что при выходе из могил предки нуждаются в свете [Капанци, 1985, с. 221]. На Карпатах известен обычай сжигать ветки и хворост на могилах «нечистых» покойников, чтобы осветить погруженные во мрак души грешников. Прочищением глаз покойников мотивировался обычай мести могилы. На Псковщине родные шли на кладбище, веником или веткой проводили по могиле снизу вверх, как бы открывая умершим глаза, а уходя с кладбища – мели сверху вниз, закрывая им глаза. Этот обычай назывался *разметать глаза покойникам* [Лобкова, 2000, с. 36]. По свидетельству Л. Ристески, архаический обычай перекапывания могил и вторичного погребения в некоторых районах Македонии также мотивируется тем, чтобы покойник «виде бело видéло» [Ристески, 1998, с. 249]. В качестве «промыывания глаз» покойника трактовался и обычай на третий день после похорон мыть на дворе одежду покойника и полотно, на котором гроб опускали в могилу, зафиксированный в восточном Полесье: «на 3 день мертвому *очи промывають* – стирают его вещи, постель, холст, на котором опускали гроб в могилу: чтобы *душе було легче, щоб усе через воду прошло*» (ПА, Стодоличчи Лельчиц. р-на Гом. обл.) [Седакова, 1983, с. 255]. Всеми славянами соблюдались запреты на работу в неурочные дни, чтобы не засорить глаза предкам, которые, согласно архаическим представлениям, в эти дни выходят из могил и незримо пребывают возле своих родственников.

Зрение мифологического персонажа отличается от человеческого: будучи сам частью невидимого мира, он видит то, что скрыто от человеческих глаз: например, колдуны видят бесов, которые им прислуживают; колдунья ночью пляшет с лешим, при этом прохожие могут видеть в окне, как она пляшет одна – леший остается невидимым (Киров. обл., Слободской р-н, с. Лекма – запись автора). Мифологические персонажи наделяются способностью воздействовать на зрение человека, обманывать его, показывая искаженную картину реальности; они также могут наделять человека сверхзрением или наказывать слепотой. Проклятому, которого водит леший, кажется, что он ходит по знакомым местам, со знакомыми людьми: «Он его ведет, а тот никоим образом не замечает, что лес, что темно. А все ему гладко, как будто идут, куда надо. Вот приводит его на такую скалу. – Ну, садись, куманек, вот на кровать» [Мифологические рассказы, 1987, № 44]. «Черти часто заводят, на камень садят, как на печку, и замерзнет... Вот был пьяненькой, так черт его вел, вел, да к ручке и привел, и говорит: “Ложись, мол, вот печь”. Наутро мужик проснувшись, а лежит на камень» [Мифологические рассказы, 1996, № 245]. «Говорят, парнишка однажды гейнул, и шишки его подхватили. Его и по елкам водили, и везде. И на елках кладут спать, и яблоками кормят. И парнишки не увидишь. А потом поставили кресты и его увидели. Шишки и отпустили его» [Мифологические рассказы, 1996, № 51].

Представления о зрении, которые реконструируются по данным языка, традиционных народных верований, обрядов, фольклора славян, относятся к архаическому, мифопоэтическому пласту народного сознания. Для него свойственно, например, нечеткое разделение субъекта и объекта: *слепой* может означать как ‘не видящий’, так и ‘плохо различимый’, а *темный* – и ‘плохо видимый’ и ‘слепой’. Эта особенность проявляется и на уровне ритуалов, когда исполняющий ритуал закрывает глаза с целью скрыть скотину от волков. С.Ю. Неклюдов приводит в качестве сравнения инфантильное поведение ребенка, который, прячась (желая сделаться невидимым), закрывает глаза (становится невидящим), тем самым как бы перекрывая визуальный канал, который перестает работать в обоих направлениях [Неклюдов, 2014, с. 138]. Слепота / темнота / невидимость, таким образом, представляют собой единое целое – «мифическую» слепоту. Это прослеживается и в сюжетах мифологических рассказов: когда герой попадает в мифологиче-

ское пространство, он становится слеп (не видит или видит в искаженном свете реалии этого мира), невидим (для родных). Вместе с тем он приобретает потустороннее зрение – видит мифологического персонажа, который его водит, иногда это зрение сопровождается и сверхзнанием. Данные признаки встречаются как по отдельности, так и в различных сочетаниях. Показательны в этом отношении функции цветка папоротника, который, с одной стороны, дает невидимость, с другой – сверхзнание: «Как цветка этого никто не видывал, так и ты невидимым будешь» [Мифологические рассказы, 1987, № 172]. «На Иван-день ходили искать цветок-невидимку. В двенадцать часов ходят. Один мужчина на репище сорвал, да никак ему домой не добраться было, то на лес, то на репу ему указывало. Это его бес гнал... В двенадцать часов цветок этот расцветает, папоротник, видимо. Да не всем он покажется. Как принесешь цветок – невидимым станешь» [Мифологические рассказы, 1996, № 380]. «Один мужчина пахал на быках в поле и потерял их. День ищет, два ищет – не может найти. На третий день цветок папоротника попал ему за голяшку. И мужик узнал от него, где быки. Он взял быков и вытряс из сапога папоротник, и сразу не стал знать все» [Мифологические рассказы, 1987, № 173].

Таким образом, мифологические представления о зрении очень разнообразны, они охватывают многие сферы и жанры традиционной культуры: верования, обряды, фольклор, язык и фразеологию. Они активно участвуют в категоризации представлений о мире и человеке, о жизни и смерти, о мире людей и загробном мире, к которому принадлежит все сверхъестественное и непознанное (неизвестное). Представления о зрении тесно сопряжены с категорией оценки, что объясняет наличие множества запретов, связанных со зрением, имеющих совершенно различные мотивировки. Часть из них направлена на защиту субъекта зрения, часть – на защиту объекта. Ряд визуальных запретов имеет целью сохранить миропорядок – «презумпцию невидимости того мира» [Байбурин, 1993, с. 205].

Список литературы

1. Агапкина Т.А. Смотреть // Славянские древности: Этнолингвистический словарь / Под общ. ред. Толстого Н.И. – М.: Междунар. отношения, 2012. – Т. 5. – С. 75–81.

2. Байбурич А.К. Ритуал в традиционной культуре: Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. – СПб.: Наука, 1993. – 240 с.
3. Виноградова Л.Н. Как распознать чужого среди своих // Исследования по славянскому фольклору и народной культуре. – Oakland: Berkeley Slavic specialities, 1997. – Вып. 1 / Под ред. Архипова А., Полинской И. – С. 53–62.
4. Галанова М. Представи за окоето и зрението в традиционната култура на славяноезичните балкански народи // Етнографски проблеми на народната култура. – София: Академично изд-во «Проф. Марин Дринов», 2011. – Т. 8. – С. 283–318.
5. Зечевић С. Самртни обичаји у околини Зајечара // Гласник Етнографског музеја у Београду. – Београд: Етнограф. музеј Београд, 1978. – Књ. 42. – С. 383–398.
6. Капанци. Бит и култура на старото българско население в Североизточна България: Етнографски и езикови проучвания. – София: Изд-во на Българ. акад. на науките, 1985. – 377 с.
7. Лобкова Г. Древности Псковской земли: Жатвенная обрядность: Образы, ритуалы, художественная система. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. – 224 с.
8. Мифологические рассказы и легенды русского Севера / Сост. Черепанова О.А. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1996. – 212 с.
9. Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири / Сост. Зиновьев В.П. – Новосибирск: Наука, 1987. – 401 с.
10. Младенова Д. «Глаза» и «зрение» небесных светил: Связь концептов света и зрения в балканских языках и традиционной культуре // Славяноведение. – М., 2002. – № 6. – С. 72–86.
11. Неклюдов С.Ю. Слепота демона и ее литературные перспективы // Сила взгляда: Глаза в демонологии и иконографии. – М.: РГГУ, 2014. – С. 125–147.
12. Ристески Љ. Митските предмети на светот на мртвите во традиционалната култура на Македонците // Studia mythologica slavica. Ljubljana, 1998. – № 1. – С. 243–257.
13. Седакова И.А. Балканские мотивы в языке и культуре болгар: Родинный текст. – М.: Индрик, 2007. – 430 с.
14. Седакова О.А. Материалы к описанию полесского погребального обряда // Полесский этнолингвистический сборник: Материалы и исследования. – М.: Наука, 1983. – С. 246–262.
15. Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Филин Ф.П., Сороколетов Ф.П. – Л.: Наука, 1968. – Вып. 3. – 361 с.
16. Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф.П. Филин, Ф.П. Сороколетов. – Л.: Наука, 1970. – Вып. 5. – 344 с.
17. Толстой Н.И. Язык и народная культура: Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. – М.: Индрик, 1995. – 512 с.
18. Ясинская М.В. «Света белого не видеть»: (Тема глаз и зрения в формулах южнославянских проклятий) // Славяноведение. – М., 2013. – № 2. – С. 79–89.
19. Ясинская М.В. «У страха глаза велики»: Глаза в славянской народной демонологии // Сила взгляда: Глаза в мифологии и иконографии / Отв. ред. Антонов Д.И. – М.: РГГУ, 2014. – С. 282–305.
20. Barthel de Weydenthal M. Urocne oczy. – Lwów: Tow-wo nauk., 1922. – 51 s.